

Ю.И. АРХИПОВ (МОСКВА)

НОВЫЙ НИЧЕВОК, ИЛИ «НЕКАНОНИЧЕСКИЙ КЛАССИК»

Быть бы мне убийцей
Иль вовсе кем-нибудь
Кем-нибудь с крылами
С огненным мечом
А так вымою посуду –
И снова ничего

Д.А. Пригов

В день посуду помою я трижды
Пол помою-протру повсеместно
Мира смысл и структуру я зиждю
На пустом вот казалось бы месте

Д.А. Пригов

Одна знакомая домохозяйка на вопрос, чем она занимается в жизни, отвечала: «Интересуюсь искусством».

Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007) многим в жизни из области искусства поинтересовался. Сия книга в аннотации своей рекомендует его как «поэта, прозаика, художника, актёра, теоретика искусства». И не какого-нибудь там дилетанта, а классика этих дел.

Классик – тот, кто собрал в себе как в фокусе пучок интенций и тенденций времени. Так что в каком-то смысле верно.

Время такое. «Мы живём в век туфты». Это не Ханна Арендт сказала и не Сьюзен Зонтаг. А наша простая, почти советская Таня Друбич, актёрка. (Вот какие философы вырастают из бывлых нимфеток, стоит им попасть под чуткое мужское водительство.)

Я устал уже на первой строчке
Первого четверостишья.
Вот дотащился до третьей строчки,
А вот до четвертой дотащился.

Таких четверостиший было запланировано творцом чуть ли не двадцать тысяч. Или ещё больше. Так сказать, где остановит он копыта? По десять строк в день – или по сто, не помню. Сизифова работа. Думаете, тоже туфта? Ну это с точки зрения вашего здорового, то бишь профанного смысла. А человек знающий, квалифицированный, доктор наук, увидел здесь «гиперсакрализацию абсурдного и тавтологического» (Марк Липовецкий).

Их дюжины две слетелось в сборнике, таких квалифицированных. Воздухом нынче бойко торгуют – ходкий товар.

Двадцатый век, среди прочего, породил целую армию эстетиков, которых Сергей Булгаков, помнится, в «Тихих думах» своих окрестил – чур, чур меня! – адвокатами дьявола. Сейчас вот их целые толпы

со всей Европы регулярно съезжаются (слетаются на метле?) в Кассель, чтобы вторить зомбированному обывателю залежалый товар под видом «актуального искусства». Ржавые консервные банки, потёртые шины, разбитые графины, куски арматуры. Мало ли хлама, который можно выдать за шедевры в традиции шутника-шута Уорхола. Называется торжище Agenda, «опись», значит, инвентаризация. Главная звезда всякий раз – не какой-нибудь, с позволения сказать, художник, а куратор выставки-продажи. Тот, кто вырабатывает «концепт». О нём загодя голосят все западные газеты, интересующиеся искусством. Ясное дело, раз доверили вторить, значит пахан, значит гений.

Обыватель-то пуглив, как серна, знай, накрывай его сетью мудрёных словечек. А хоцца бедолаге тоже на уровне быть – «актуальным».

Иные наши – бывлые «подпольные» – тоже встроились в этот Рынок куда как успешно. Хороший, добротный пример: Илья Кабаков. Тот, что выстроил как-то посреди Вены, близ Хофбурга, на пару недель барак-вагон советско-сталинского (стал быть, ГУЛАГовского) времени: облупленный рукомоёйник, стол с клеенкой, табуретка, мусорное и «ночное» вёдра, репродуктор, по которому раз в сеанс включают песни про Сталина. Называется «Жизнь советская» или что-то в сем роде. Народ венский валом валит, как у нас в своё время на Глазунова. «Неудобно не пойти» – говорили мне заслуженные профессора и писатели. Мол, засмеют коллеги, назовут игнорантом – невеждой, по-нашему. Сила внушения, психоз-гипноз неведальке от квартиры-музея Зигмунда Фрейда.

Другой венец, гениальный прозаик Герман Брох написал когда-то об этом психозе роман под названием «Искунитель». И ещё немало было не менее убедительных описаний сей завлекательной, наподобие рулетки, игры в бисер. В одной только Германии поучаствовали Томас Манн, Герман Гессе, Ханс-Хенни Янн, Эрнст Юнгер, Арно Шмидт, Герман Казак (отец прославителя наших письменников Вольфганга). Писали, старались, предупреждали – мол, бойтесь безумия, а не то выродится род человеческий. А, может, он и рад выродиться? Назад, в пещеры?

Пригов усовершенствовал метод Кабакова – редуцируя и «сакрализуя». Как-то в Мюнстере он повёл нас, участников поэтологической конференции, на свою выставку. Главный шедевр в левом углу зала, на месте иконы, выглядел так: вверху топор, с него по обе стороны спускается рушник, внизу тазик с кровью – пардон, красной краской. Тоже про нашу советскую жизнь. Немцы внимали символу и велеречивым авторским пояснениям с важным сочувствием. И уж вовсе с полным восторгом, когда автор завыл вечером выпью на сцене, закудахтал, забился в транс камлания. А там, где у многостаночника забрезжил смысл, ещё пуще раздалась овация одобрения. Смысл-то был тонко провокационный, слегка русо-фобский:

Конечно, русские опрятнее,
Зато татары поприятнее.

Из поэмы «Куликовская битва». Поклонники таких рафинесс найдутся всегда. Все сюда! Вот вам, концептуализм, почтеннейшая публика, на соцреализм пародия. Вы ведь любите Галкина. Правда, пародия предполагает хоть какое-то остроумие, а тут одно уныние, монотонность и скука. Не проверк карикатуры, а слегка замугнённое зеркало того же самого производственного процесса. «Друг друга отражают зеркала, взаимно искажая отраженья...» (Георгий Иванов).

С Приговым, кстати, я пересекался не раз – и всегда в Германии. Счастливая страна для тех, кто вышел на ловитву недалёких славистов. Ведь у «ищущих» немцев много прелестных качеств, потому как провинциальны. То есть одержимы вечной боязнью: как бы им не отстать. Чтоб не сказала чего княгиня Марья Алексеевна и прочие французы. Для шерамыжников рай. Кафедры славистов, знававшие во время оно Степуна и Чижевского, на рубеже новых веков на руках готовы были носить наших надувал от Айги до того же Пригова. Ребята, не раз им говорил, вы что, ошалели (Spinnen Sie wohl, Freundchen), у вас своих, что ли, не было дадаистов? Тоже ведь были выпью, кукарекали аки Швиттерс, заикались и каркали в «аудиостихах» своих вместе с Яндлем. Нешто не помните, напоминал, что самый умный, самый талантливый из них, Хуго Балль, собственно, и воздвигший их знамя на кафе «Вольтер» в Цюрихе, позабавился хепенингами пару лет да покинул своё сразу осиротевшее войско, бросив им на прощание что-то вроде «Пошугили – и будя»? И приступил к написанию серьёзных книг, оставшихся в итоге на золотой немецкой полке – одна о друге своём Германе Гессе, другая и вовсе герменевтический трактат о византийских православных святых. Кто с царём в голове, тот уж непременно прошагает от Ал. Кручёных до Флоренского Павла. А кто без оного – до сих пор воеет выпью.

Так же остались Прецедентом Кандинский, Клее, Малевич – хоть и тупиком оказалось, но впервые было свежо, любопытно. Но в миллионный-то раз тиражировать что за охота? Эксплуатировать забывчивость человека что за доблесть? Наскакивать с плевочками на кумиров что за страсть?

...Стояли мы в том же Мюнстере с Гройсом и Приговым в буфете. И попытался я, ехидный, съязвить: «Похоже, для вас – говорю – Пушкин прям хуже Сталина». Ух, как дружно и резво повернулись ко мне их головы, как грозно сверкнули очи: «И премного хуже!». Мол, не замай, не отдадим добычу. «Мне

сына содержать, он у меня учится в престижном западном университете!» – откровенно признался мне вечером за коньячком Дима Пригов (не сподобился я назвать его Дмитрием Александровичем, как он всем велел). Снова сверкнув стекловидным оком. Намекнувшем: нелёгкая это работа – участвовать в группе захвата материальных западных ценностей. А тем более возглавлять эту группу, расставлять повсюду нужных людей. «Мимо Пригова мы всё равно не проскочим», – сказали мне организаторы мюнстерского фестиваля.

И ведь преуспел в намерениях своих, как видим. Продвинутый менеджер Ирина Прохорова собрала под крылом своим две дюжины экспертов с именами и степенями, дабы прославить его окончательно и бесповоротно. Кое толкуют-токуют, шагая по проволоке модных терминов и понятий, давно утверждённых обязательными коанами в их среде. Кто о «высоком пародизме» (М. Ямпольский), кто об «эстетике системной растраты» (М. Липовецкий), кто об «инсталляции словесных объектов» (Л. Зубова), кто о «мясе пространства» у Пригова (Е. Дёготь), кто о державинских корнях пиита, усмотренных в «прижизненной канонизации» (М. Майофис). И так далее, и так далее, и несть им числа.

Ведают ли, что творят? Это вопрос. Ответы гадательны. У них, игроков в бисер, свои правила-фишки, намерений не распознаешь. Всё одно, что гадать, чего больше в организаторах роковых реформ двадцатилетней давности – глупости или цинизма. Народ, по слухам, склонен думать, что Гайдар был более глуп, а Чубайс скорее подл. Но ведь народ не раз ошибался (и с партией и без неё).

Владимир Новиков, человек сторонний и знающий, полагает, что тут дело в цинизме. Так и пишет: «Репутация Пригова, его "литературная личность" – продукт коллективного бессознательного цинизма филологической тусовки, отечественной и зарубежной. Дескать, сделаем себе поэта из ничего». Похоже, прав автор «Романа с литературой».

«Позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех...».

Ну что Вы, Борис Леонидович, экий Вы человек старомодный. Не позорно, а прибыльно. В наше-то время. В век туфты.

Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007).

Сборник статей и материалов. Москва, Новое литературное обозрение, 2010.